

Геннадий Малашин

## (Не)забытые голоса Сибири

## Эссе первое

*«...прирастать будет Сибирью»**Что есть поэзия? Вид редкого недуга, наказание или награда от Господа?**Болезнь прилипчивая и мучительная или лекарство от всего этого?**С уверенностью можно сказать, что от одной неизлечимой и давней болезни или напасти, название которым—одиночество, поэзия избавляет...*

Виктор Астафьев

Тайны русской поэзии, о которой так проникновенно, так горько и светло говорил наш великий земляк, каждый из читателей открывает по-своему.

Её, поэзии, у русского читателя всегда было в избытке. Одними только золотым и серебряным её веками можно было б питать и питать жаждущих поэтического слова, утолять и утолять не иссякающую никак у человека эту жажду. А ведь рядом, совсем рядом с нами—руку только до ближайшей буккроссинговой полки протяни,—рядом совсем окажется и бессмертная, гениальная порою поэзия «железного», «атомного» двадцатого столетия. Тут и удивительное разноречивое поэтическое новаторство двадцатых годов, и подлинно патристические и до удивления человечьи строки «сороковых», и «оттепельные», изумляющие слух и тревожащие душу поэтические откровения шестидесятников... А сколько талантливых молодых и не очень молодых стихотворцев дарят нам свои строфы прямо сегодня в социальных сетях и на специальных сайтах! Возможно, прямо сейчас первые свои строчки рифмует (или—не рифмует, увлечённый современными стихотворными технологиями) будущий новый Пастернак, или новая Ахматова, или новый, ранний или поздний, Заболоцкий!..

И кажется, при таком обилии «всемирно отзвучивших» общепризнанных русских классиков, больших «общероссийских» поэтов—дойдут ли когда-нибудь у нас руки до стихов, написанных нашими земляками, живущими или жившими совсем рядом с нами? Давно ведь известно, что «нет пророка в своём отечестве». Да и нужна ли вообще, не устарела ли совсем эта маркировка: «классик», «русский поэт», «сибирский поэт»?

...Вспоминаю интервью, которое дал нам Виктор Петрович Астафьев двадцать пять лет назад для документального фильма «Щепки летят», фильма о жизни-подвиге канского музейщика Галины Ивановны Усольцевой, о роковой судьбе так и не созданного в Канске, несмотря на её (и Астафьева!) усилия, многострадального зазубринского музея и об участии практически забытых в Сибири писателя Владимира Зазубрина и поэта Вивиана Итина.

«Мы с вами—заевшаяся нация,—говорил Виктор Петрович.—Где-нибудь в Прибалтике такого уровня писатели и поэты почитались бы все-народно всей нацией, наряду с самим Райнисом. А у нас, в России и в Сибири, в каждой волости таких Райнисов—пруд пруди... Богаты мы лишь-ком на литературу... Оттого-то мы по-прежнему все—„ленивы и не любопытны“...»

Может быть, этим-то желанием донести до нашего слуха хоть по одному стихотворению каждого из «сибирских Райнисов» и был осенён реализовавшийся в 1988 году замысел Виктора Астафьева и Романа Солнцева, когда была ими подвижнически составлена удивительная антология «одного стихотворения России», названная просто и точно: «Час России»?..

Но при всём не подъёмном одному человеку обилии сибиряков, писавших и пишущих очень хорошие, хорошие и просто стихи, при всех наших хронических цейтнотах, ставших непременно явлением современной жизни, при всей невозможности взяться однажды и посвятить хотя бы пару вечеров стихам, родившимся, допустим, в Красноярске в двадцать первом веке,—при всём при этом разве может пройти кто-нибудь из истинно любящих поэзию читателей мимо таких вот строчек?..

Эхо

Открой мне поэтов закрытых.

Открой мне поэтов забытых.

Открой мне поэтов из Фетов,

Чтоб грусть вместе с ними изведать.

Постигнуть сплетения красок,

Их таинство слова и веры.

А вскорее, изведав огласки,

Узнаешь волнение премьеры.

Отвергнув всю вычурность слога,  
Решишь для себя и навечно,  
Что ясность и тайна—от Бога,  
И жаль только—жизнь быстротечна.

А Бог—вон за тем переулком,  
А может, за тем перелеском.  
И эхо покатится гулко  
И трижды над нами воскреснет.

Любимая выйдет из дома  
И мимо пройдёт незаметно.  
А мы ведь ещё незнакомы  
И любим ещё безответно.

И я прошепчу через осень:  
Открой мне хоть чуточку плена,  
Чтоб эхо к ногам твоим бросить,  
Забыв про Рембо и Верлена.

Это Гамлет Арутюнян, наш земляк и наш, увы, ушедший уже из жизни, современник... Признаемся честно, что сами мы эти великолепные строки открыли для себя совсем недавно, уже начав работу над циклом фильмов и публикаций, название которого оказалось первой строчке приведённых стихов (да и духу их всему!) абсолютно созвучно...

«(Не)забытые голоса Сибири»—так решили «окрестить» свой новый медийно-издательский и просветительский проект его организаторы, собравшиеся в стенах успешно продолжающего свою жизнедеятельность на красноярской земле Центра духовной культуры «Касьяновский дом». Замысел получил поддержку учреждений и деятелей культуры и науки Красноярского края, став в середине 2023 года победителем конкурса Президентского фонда культурных инициатив. Среди коллег, всемерно поддержавших этот проект,—редакция журнала «День и ночь», Литературный музей имени В. П. Астафьева, Красноярская епархия, вузы, библиотеки и музеи края...

Посвящён проект поэтам Приенисейской Сибири конца девятнадцатого—начала двадцать первого веков. С одной стороны—тема, досконально известная специалистам и просто ценителям поэзии и прозы, созданных на красноярской земле, получившая своё большее или меньшее отражение и в специально составленных антологиях и сборниках, и в научных публикациях, и в журнале «День и ночь», конечно же, и, в двадцать первом уже столетии, в интернет-пространстве. Однако, полагаю руку на сердце,—многим ли живущим на берегах великого Енисея «обычным» читателям, особенно молодым, досконально известны биографии и творчество хотя бы «самых-самых» красноярских поэтов разных поколений, начиная с авторов знаменитого «Енисейского альманаха на 1828 год», инициированного два столетия назад первым губернатором Енисейской губернии?

Вспоминая свои студенческие годы на филфаке КГПИ, пришедшиеся на начало в Красноярском крае памятного многим до сих пор движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры», автор может с уверенностью сказать и о том, что и тогда даже для будущих филологов знакомство с литературой их малой родины зачастую ограничивалось буквально несколькими, самыми яркими или самыми известными, именами. (Как, собственно, и знакомство с историей родной земли тоже часто на практике сводится у нас в итоге к знакомству с несколькими, очень «избранными» страницами, которые успели нам открыть наши наставники на уроках истории в школе, на спецкурсах в вузе или которые мы сами обнаружили случайно, при чтении научно-популярных публикаций или талантливых книг...)

Поэтому проект «(Не)забытые голоса Сибири» призван приоткрыть прежде всего для начинающих читателей, зрителей не только не часто, может быть, востребованные страницы поэзии, но и интереснейшие, хрестоматийные даже вроде бы, но не всем известные страницы истории.

Ведь сейчас, спустя годы или даже многие десятилетия после событий, о которых пойдёт речь в проекте, становится очевидным, что, например, стихи, поэзия советских лет запечатлела мысли, устремления, дела сибиряков, создававших экономическую и духовную мощь Сибири, богатствами которой продолжала прирастать и в двадцатом веке Россия.

И как бы противоречиво ни воспринимали мы сегодня, на исходе первой четверти нынешнего столетия, «век минувший», мы не можем не признать, что в поэтических строчках наших земляков двадцатого века навсегда оказались запечатлены любовь авторов к родине и своему народу, открытый и щедрый взгляд на окружающий мир, в них сохранилась искренняя романтика «боевых и трудовых подвигов», которые на самом деле совершали сибиряки разных поколений, покорители целины, строители Красноярской ГЭС, молодые деятели науки и искусства.

Да, конечно же, сегодня во многом иначе смотрим мы и на перекрытие Енисея, и на подъём залежных земель, во многом совсем иначе, чем смотрели на это наши земляки, допустим, шесть десятилетий назад,—но сам-то их романтический порыв, их энтузиазм, их героизм в исторической, да и в человеческой памяти остались!.. Как и чеканные стихотворные строки, с их подвижничеством связанные...

*Билет до станции Курагино*

Последние шпалы,  
Последние рельсы,  
Последнее из последних звено.  
На митинге нашем последние речи—

Так ли уж это было давно?  
Но, думаю,  
станет легендой когда-то  
Для новых строителей древней земли,  
Как мы,  
комсомольцы шестидесятых,  
Таёжную трудную трассу вели,  
Как мы на сибирских морозах жёстких  
Мёрзли,  
и стыли, как на ветрах,  
И как мы тоннели в Саянских горах  
Пробили, и как покорили Джётку.

..У каждого в жизни путь один,  
Один—единственно верный.  
Бригадир путейцев Гена Бахтин—  
Обычный парень, наверное,  
В меру веснушчат, в меру лукав,  
И белобрыс не в меру,  
Он был когда-то единственно прав,  
Сердце приняв на веру.  
А сердце ему диктовало: будь  
Не лежебокой—Колумбом,  
А сердце ему диктовало: в путь!  
На месте сидеть—глупо.

У каждого в жизни путь один,  
Один—единственно верный.  
Бригадир путейцев Гена Бахтин  
Всё же герой, наверное.  
Как мы без его обошлись бы рук  
Там, в сражении с Кролом?  
И там, где Каспийский виадук?  
И где-то ещё, кроме!  
Он все перегоны здесь наизусть,  
Как пять своих пальцев, помнит.  
И вам это имя запомнится пусть  
Как память о нас, потомки!

..До свидания, парни,  
девчонки, и вы, до свиданья!  
Будут новые земли, а эта дорога сдана..  
Но останутся с нами  
гудки над морозною ранью  
И мосты,  
и тоннели,  
и станции,  
и поездка!

мужества». Стихи Фёдоровой были положены на музыку Красноярским композитором Александром Шемряковым и на долгие годы стали одной из подлинно любимых песен сибирской молодёжи.



Шумите, Саяны, шумите  
Вершинами сумрачных крон  
И миру всему расскажите,  
Как мы воевали за Крол.

То ливни по скалам,  
То жёсткого снега стена.  
Но кто там про жалость?  
Не жалость нам вовсе нужна.

Три имени, как будто три салюта,  
Взметнулись у истоков городов.  
Три имени в пути в одно сольются:  
Кошурников, Стофато, Журавлёв.

Прощайте, ребята, прощайте!  
Спасибо, спасибо, спаси...!  
И ветер уносит, уносит  
Привет твой прощальный, Южсиб!

Здесь надо заметить, опережая, может быть соответствующие «шестидесятнические» выпуски фильмов и публикаций нашего цикла, что лучшие красноярские поэты всегда, отражая необходимые, согласно духу времени, социально-политические реалии советской эпохи, старались избежать в своих стихах «квасного патриотизма» и принятых (это слово из строки тоже не выкинуть) в коммунистической идеологии дежурных штампов. Они, эти советские поэты, были как минимум искренни, оставаясь в своих таких нужных их времени стихах—поэтами.

...Палатки... Костры... Весёлая песня...  
Стол—земля и постель—земля...  
Хлеб от мороза жёсткий и пресный.  
Как бы я прожил неинтересно,  
Если бы мёрз у костра не я.

И в подвиге строившего коммунизм, а затем и «развитой социализм» народа наши талантливые земляки пытались разглядеть не лозунги, а неповторимые человеческие судьбы, за пафосом найти «лица необщее выражение» конкретных героев того времени.

А ещё сквозь идеологическую логику эпохи поэты старались рассмотреть и запечатлеть те приметы её и те удивительные черты окружавшего их «советского мира», которые разглядеть и передать может только поэт.

Как, например, в этих строчках новосибирского поэта Елизаветы Стюарт, которую любили (и любят, наверное?) читатели на берегах соседнего с Обью Енисея:

Это строки из красноярской поэзии шестидесятых годов двадцатого века. «Билет до станции Курагино» Аиды Фёдоровой. Написано стихотворение было после завершения знаменитой Всесоюзной ударной комсомольской стройки, железнодорожной магистрали Абакан—Тайшет. Не лишним, кстати, будет здесь напомнить и о том, что Аида Петровна Фёдорова внесла свой особый и искренний вклад в дело увековечения памяти первопроходцев-изыскателей этой когда-то гремевшей в общественном сознании «Трассы

## Сибирский пейзаж

У опор высоковольтной линии  
Колокольчики такие синие!  
Грузный упирается металл  
В землю, отдыхающую в травах.  
Он её не смял и не попрал—  
Спора нет меж ними, оба правы,  
И энергия и красота  
Рядом уживаются, не ссорясь:  
Дальние сибирские места  
И—руками сделанное море.  
Просеки, прямые, как стрела,  
Чуть приметный запах аммонала...  
Мать-лосиха тихо постояла  
И лосёнка в чашу увела.  
Там стрекозы, тишина озёр,  
На воде фарфоровые лилии,  
А вверху рванулись на простор  
Провода высоковольтной линии...  
И в воде меж лилий изоляторы  
Чашечки фарфоровые спрятали—  
Опрокинулись в глубины синие  
Лилии высоковольтной линии...

Может быть, поэтому так удивляют, трогают наше читательское сердце в сборниках процитированного чуть выше одного из самых, на наш взгляд, не разгаданных, не дочитанных до конца сибирских поэтов двадцатого века—приехавшего на берега Енисея по комсомольской путёвке Зория Яхнина—не программные, не большие его стихотворения, а, казалось бы, случайные,—пейзажные поэтические зарисовки. Но, как почти всегда у Яхнина, только мы доходим до последних строк его стихов—и здесь вдруг, как и положено у поэтов, для яхнинского читателя «мир опять предстанет странным»... Мы на секунду вдруг увидим этот мир, мир минувшего и прошедшего, иным взглядом...

Вот строчки, впервые помещённые в третьей книге З. Яхнина, пусть и тоненьком сборнике «Границы», но вышедшем в 1965 году в престижном московском издательстве «Советский писатель»:

### Два века

В пыли и скрежете железа,  
Где рюкот котлован для ГЭС,  
Там экскаватор, землю взрезав,  
Случайно в давний век залез.

Два века в тайниках планеты  
Сошлись у енисейских скал—  
С ковша посыпались монеты  
С наивным звоном в самосвал.

(Сейчас, когда завершены уже глобальные и помпезные реставрационные работы, приуроченные к 400-летию основания старинного Енисейска, стихи эти обретают вдруг дополнительный, возможно

что—и заложенный когда-то самим автором в них, смысл...) И вот ещё восемь «зарисовочных» строк, уже из более поздних циклов Зория Яхнина:

### В парке

Старый сторож на лавке зевает сладко,  
Отдыхает нагретая за день земля,  
Пыль осела давно на спортивной площадке,  
И, под звёздами стоя, спят тополя.

За ограду умчался ветер крылатый,  
Он не хочет мешать тополиному сну.  
И гранитный солдат замаялся гранатой,  
Не решаясь бросить её в тишину.

А сколько удивительных, неповторимых, потрясающих порой, далёких от всяких временных и идеологических привязок—сколько сугубо лирических откровений сокрыто в бескрайней сокровищнице красноярской поэзии!.. Вот возьмём хотя бы наугад, откроем первого, как правило, по алфавиту в красноярских поэтических антологиях автора. Это строчки замечательной Лиры Абдулиной:



Говорят: беда лиха,—  
Я не верила,  
Далеко ли до греха—  
Я не мерила.  
Высоко ли до небес—  
Не заглядывала.  
Дождик будет или снег—  
Не загадывала.  
Говорили: с милым рай,—  
Я не ведала.  
Говорили: выбирай,—  
А я медлила.  
Говорили: разлюби,—  
Я не спорила.  
Сердце вынуть из груди—  
Что мне стоило?

Сколько же ещё лежит их—не востребованных, не прочитанных, может быть, до этого нами, не открытых до этого—строчек о любви, о верности, о предательстве, о жертвенности, о дружбе, обо всём, чем всегда (какой бы ни была в этот день политическая и социально-экономическая «погода» на планете) живёт, дышит, духовно растёт любой человек на этой земле...

И вновь:

Открой мне поэтов закрытых.  
Открой мне поэтов забытых.  
Открой мне поэтов из Фетов,  
Чтоб грусть вместе с ними изведать...

Открытие—то слово, которое мы, авторы цикла, начав слушать (и слышать наконец-то!) «(Не)-забытые голоса Сибири», повторяем для себя почти

еждневно. Открытие совсем новых имён — и не читанных ещё нами стихотворений, подписанных именами, уже давно знакомыми. Открытие строк из биографий, открытие оборванных «строф» из судеб поэтов — и открытие целых неизведанных дотолы пластов поэтического прошлого родной Приенисейской Сибири: например, стихи Вивиана Итина в «Красноярском рабочем» на персональной поэтической странице, которую «товарищ юрист» вёл столетие назад (и, заодно, рядом — стихи местных рабочих и крестьян, которые исправно приносили ему в главную газету губернии сами авторы)... А открытие таких разных и таких забытых газет и журналов, выходивших в городах и всях необъятной сибирской земли?.. А главное открытие — долгожданное открытие толстых и совсем тонких, припылённых, пожелтевших от безжалостного времени или вдруг на мелованной бумаге изданных книг сибирских поэтов?..

Но, пожалуй, для пишущего эти строки одним из самых больших открытий в преддверии будущего цикла стали странички (совсем не пожелтевшие, а очень даже хорошо сохранившиеся!) уникальной поэтической книжечки, полвека с лишним назад вышедшей в Красноярском книжном издательстве и счастливо приобретённой нами недавно в чудесном букинистическом салоне, который готовится к открытию на правобережье Красноярска.

Составлена эта замечательная книга была двумя ведущими тогда красноярскими поэтами — Романом Солнцевым и Вячеславом Назаровым: «Красноярск. День поэзии. 1967» (не преминем отметить добрым словом коллег из «Дня и ночи» за содержательную публикацию об этом сборнике, размещённую в недавнем третьем номере журнала). Тут всё в этой книге — открытие. И созвездие имён, собранное составителями, — от до сих пор популярных до совсем уже (и — не заслуженно!) забытых поэтов, от школьников — до аксакалов, акынов и мэтров. И тщательнейший, точнейший редакторский отбор действительно лучших, удачнейших строф и строк.

А особо поразила нас одна из публикаций в этом сборнике, посвящённая... Михаилу Успенскому.

Многолетний мой бывший коллега по телевизионному цеху и будущий автор прославленных прозаических книг, Михаил Глебович Успенский на страницах этого сборника предстаёт совсем юным красноярским школьником и — поэтом...

Одно из двух его стихотворений, включённых в тот 1967 года сборник, в «Дне и ночи» уже было опубликовано. А второе стихотворение называлось «Романсеро о гранадской тишине».

В 1960-х Федерико Гарсиа Лорка только-только начал открываться советскому читателю в русских переводах (до этого «Избранное» Лорки было выпущено лишь однажды, в 1944 году). И вот — два

прекрасных полноточных сборника Лорки вышли посреди идеологической оттепели, в 1960 и в 1965 годах в Москве. И попали их экземпляры в Сибирь.

И вот — «Гранадская волость в Испании есть...»... И стихи далёкого испанского поэта накрепко, видать, западают в душу красноярского десятиклассника... Западают очень глубоко — настолько сильно в строчках ещё только робко начинающего путь в большую литературу юного Миши Успенского чувствуется и понимание поэтики его собрата, и проникновение в ритмы и образы, в поэтический мир его расстрелянного коллеги по поэтическому цеху...

### *Романсеро о гранадской тишине*

*Посвящается памяти  
Федерико Гарсиа Лорки*

Тихо и страшно в Гранаде —  
Луну из пушек разбили,  
Тихо звенят гранатами  
Чёрные автомобили.  
Чёрные карабины  
Тихо готовы к расстрелу.  
Обычая не забыли —  
Расстреливать на рассвете,  
Чтоб кровь, как рассвет, растекалась  
По горизонту гранатово...  
Оливы как из стекла.  
Тихо и страшно в Гранаде.  
Все отреклись — ты не наш.  
Республиканцам не встать...  
Но чем сильнее тишина,  
Тем беспощаднее выстрел!  
Небо, как чёрный колодез,  
Надвинулось на глаза!  
Сто бандерилий колотят,  
И отвести — нельзя!  
А он шептал как во сне:  
«Нет!  
Не в меня,  
Нет!»  
А он говорил: «Не надо!»  
Скачет чёрная гвардия...  
Снова тихо в Гранаде,  
Только Гранада —  
Без Гарсиа...

И сколько юношеской искренней боли в этих строчках, сколько искренней ненависти к беспощадным франкистам, убивавшим великого поэта, убивавшим гордость Испании... .

...А впереди — ещё столько открытий во времени и пространстве предстоит и нам самим, и будущим зрителям и читателям нашего цикла.

«Машина времени» — таким было рабочее кодовое название проекта. Наша «машина времени» — это небольшая и уютная гостиная «Касьяновского

дома» с книжными полками, с оранжевой (не—зелёной...) лампой в её глубине. Шелестит забытыми в эфире радиоголосами старенький радиоприёмник. Устало отдыхает немало на своём веку поработавший «Ундервуд». Сменяют друг друга на стене-экране лица наших героев, события нашего и предшествующего ему веков...

Отсюда начинается наше повествование, в ходе которого мы попадаем в разные географические места и в разные исторические периоды в поисках ответа на множество вопросов, возникающих у нас всякий раз, когда мы берём с книжной полки сборник стихов очередного нашего визави.

Сюда к нам в гости на огонёк заглянут артисты, читающие стихи героев очередного фильма, здесь же могут собраться эксперты нашей программы, размышляющие о поэзии. В нашей «машине времени» звучит музыка тех эпох, в которые мы путешествуем. И конечно, в этих фильмах участвуют по возможности свидетели, очевидцы—люди, которые помнят поэтов и, что не менее важно, помнят их время. Ещё один неперенный участник всех путешествий во времени и пространстве—непосредственно сам читатель; это дети, подростки и молодёжь, это и люди старших поколений, открывающие/открывшие для себя новые поэтические миры.

Пространство нашей виртуальной гостиной может расширяться до пространств краеведческих музеев и научных библиотек, красноярских «Столбов» и исторических улиц городов края, залов Литературного музея и студенческих аудиторий края—или, просто, до пространств Млечного Пути, с которым наши поэты всегда были запросто, накоротке, на «ты»...

Экспертами первого, уже взятого в работу фильма из цикла «(Не)забытые голоса Сибири» стали наши замечательные земляки: профессор Николай Дроздов и поэт Марина Саввиных, доцент Татьяна Садырина, музевед Иван Черкасов, переводчик Сергей Щеглов. Над фильмом работают журналисты Геннадий Малашин и Юрий Пасхальский, научный сотрудник Литературного музея имени В. П. Астафьева Роман Минеев, сотрудники медиацентра «Касьяновского дома» Андрей Андрюшкин, Константин Шульгин, Максим Бурнышев, Валентин Нарчук, Роман Бобров.

А завершить наш первый рассказ о проекте мы должны, конечно же, стихами. В размышлениях о поэзии Виктора Петровича Астафьева, с которых мы начали наш рассказ, есть и такие мудрые слова:

«...стихотворец... верит, что слово его спасёт мир от бурь и потрясений и если не заслонит человека от невзгод и бед, свалившихся на него, то хотя бы его утешит. И так было всегда—поэзией двигала вера в доброту и милосердие, поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу».

И поэтические страницы Приенисейской Сибири, которые мы начинаем в ходе проекта открывать вместе с красноярцами, подтверждают и подтверждают правоту великого сына нашей земли. Как в этих вот, написанных уже в наши дни, строках ещё одного интереснейшего поэта, нашей землячки и первого лауреата Астафьевской премии Марины Саввиных:

...Каждому дню довольно своей заботы!  
Очи отверз—а там уж трубят отбой.  
Главное—узнать в этой жизни, кто ты,  
Чтобы потом оставаться самим собой...  
Так отделись, душа, от костей кумира!  
Не изменяй себе и не торгуй лицом!  
Самое лёгкое—глиной в ладонях мира.  
Самое трудное—в Божьей руке резцом.

Запомним, начиная предстоящие труды, и эти строфы...

Пусть помогут они нам в начавшемся путешествии по времени и пространству в поисках «(Не)забытых голосов Сибири»...

## Эссе второе

*«Краснояры сердцем яры...»*

*(Приенисейская Сибирь  
в поэзии XIX–XX веков)*

Одна из первых встреч, которые состоятся при участии Центра духовной культуры «Касьяновский дом» и редакции журнала «День и ночь» со зрителями и читателями в рамках грантового проекта Президентского фонда культурных инициатив 2023 года «(Не)забытые голоса Сибири», будет посвящена страницам сибирской поэзии девятнадцатого—начала двадцатого веков.

Конечно же, «подготовленному» читателю—филологу или поэту—хорошо известен целый ряд научных и научно-популярных публикаций, сборников, антологий, посвящённых литературе Сибири разных периодов. А читателю, только начинающему знакомиться с «сибирским текстом», с поэтическими произведениями, написанными о Сибири и в Сибири на рубеже девятнадцатого—двадцатого веков, можно рекомендовать взять в руки двухтомную хрестоматию, несколько лет назад изданную трудами сотрудников Красноярского литературного музея: «Сибирь: коллекция представлений». Книга для чтения по сибирской литературе». Поэты Сибири в двух этих томах достаточно лаконично, но убедительно представлены. Ещё интереснее, наверное, читателю будет—взять потом в руки сами бесценные, чудом сохранённые в музеях и библиотеках до наших дней дореволюционные издания книг, альманахов, журналов. И, преодолевая особенности дореволюционной орфографии, поэтической стилистики, принятой столетие или два назад, совершить

для себя открытие поэтов, творивших на нашей земле в эпоху, когда ещё не было ни айфонов, ни компьютеров, ни даже автоматических и шариковых ручек...

Наша же задача гораздо скромней — только взглянуть на старинных книжных полках имена на книжных обложках, только назвать и услышать эти прошлые, эти глуховатые, эти так и (не)забытые голоса Сибири...

Историю Приенисейской Сибири невозможно представить себе без её отражения в сибирской литературе, особенно — в поэзии... Действительно, как ещё можно было бы передать неповторимые картины этой земли, если не в таких вот поэтических строчках?..

### *Ночь на Енисее*

О, сколь пленительно весеннею порой  
(Когда денницы ночь погаснет за горой  
И месяц от холмов восстанет, пламенея)  
Мечтать на берегах картинных Енисея!

...Пустынен Красноярск, в безмолвии ночном,  
Над блещущей рекой, объятый тихим сном:  
Все, все — и вид полей, и вид окрестных гор —  
Объемлют густую Поэта пылкий взор...

...Эти строчки скромного чиновника Енисейской казённой палаты и незаурядного литератора Ивана Матвеевича Петрова почерпнуты нами из одной уникальной книги, о которой речь впереди. Но вернёмся пока на несколько столетий в более далёкое прошлое.

Лежащая за Уралом, на берегах могучего Енисея, страна вызывала восхищение и удивление первопроходцев, четыре с лишним столетия назад начавших освоение этой земли.

Чувства и мысли этих людей запечатлевали сначала немногочисленные дошедшие до нас архивные документы, а затем и постепенно рождавшиеся проза и поэзия Сибири.

«...Уральские горы, отделяя Сибирь от России, делают её особенной во всех отношениях. Какая богатая страна эта Сибирь, какой мощный край! Понадобятся ещё столетия. Но когда со временем она будет заселена, то сыграет великую роль в анналах мира», — так пророчески сказал о судьбе Сибири в восемнадцатом, «безумном и мудром», столетье дворянин, писатель и арестант Александр Радищев.

«Особенными во всех отношениях» оказались и многие создаваемые впоследствии книги, посвящённые Сибири.

Настолько, видимо, было велико восхищение пришлых людей Приенисейской землёй, что ещё до возникновения на берегах Енисея первых стихотворных произведений — народных песен, любительских виршей, излюбленных красноярцами «эпиграмм» (последними особо славился

в восемнадцатом веке первый, по существу, красноярский литератор, диакон Григорий Скрябин) — поэзия проникала на страницы прозы.

И в этом смысле к первым сибирским стихотворцам можно было бы условно причислить одного опального «прозаика» — ссыльного раскольника, мятежного протопopa Аввакума Петрова, в середине семнадцатого века воскликнувшего по прибытии в цепях и оковах в окрестности Енисейского острога:

«...Горы высокие, дебри непроходимые, утёс каменной яко стена стоит, и поглядеть — заламя голову!  
В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны чёрные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя!..»

И вот ещё строчки о Сибири:

«Сибирь... В этом слове звучит железо. Вчера это был звон цепей и скрип колючей проволоки... Сегодня — звонки подъёмных кранов и рокот великих строек. Сибирь — удивительная страна...»

Эти прозаические строчки тоже принадлежат поэту, но уже поэту из двадцатого столетия, одному из будущих героев наших фильмов — писателю, кинорежиссёру и сценаристу Вячеславу Назарову.

Но о его времени, когда наша земля стала местом «великих строек», речь впереди. А тогда, в восемнадцатом, в девятнадцатом столетиях, по словам видного историка Сибири Петра Словцова, «Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область». И голосами безгласной в прошлом земли становились книжные строки, созданные первыми сибирскими писателями и поэтами. (Не)забытые голоса Сибири...

Началом «регулярной» литературной жизни на берегах Енисея исследователи считают вот эту небольшую книгу. Теперь она доступна широкому читателю. Благодаря инициативе Литературного музея имени В. П. Астафьева в 2008 году вышло современное репринтное переиздание этой книги, первого в наших краях и на несколько последующих десятилетий — увы, единственного в Енисейской губернии — литературно-художественного сборника, «Енисейского альманаха на 1828 год». Экземпляры же легендарного первого издания альманаха, к счастью, в малом количестве сохранились, и их можно увидеть в нескольких музейных и библиотечных фондах Красноярска.

История этой книжечки сама по себе составляет сюжет, достойный поэмы или, по крайности,

стихотворного цикла, и рассказывать эту историю лучше всего в сквере на улице Копылова, близ двух замечательных современных памятников (губернатору А. П. Степанову и в честь двухсотлетия основания нашей губернии), напоминающих нам об этом времени...

За шесть лет до издания альманаха была учреждена Енисейская губерния. Красноярск постепенно становится одним из крупных центров не только золотодобывающей и иной промышленности, но и общественной и культурной жизни Сибири. Неожиданно, казалось бы, появившиеся на берегах Енисея литературные дарования объединяются вокруг первого енисейского губернатора, Александра Петровича Степанова, человека просвещённого, умного, любящего Сибирь, а ещё и — пишущего. Великий полководец Александр Суворов во время Итальянского похода даже отметил литературный дар восемнадцатилетнего прапорщика Степанова и шуточно прозвал его «мой маленький Демосфен».

Изданный по инициативе Степанова уникальный альманах открыл и будущее литературное, и будущее краеведческое направления в интеллектуальном освоении Приенисейской Сибири. «Первым литературным явлением с берегов Енисея» назвал тогда выход альманаха обозреватель знаменитого «Московского телеграфа».

Целый ряд интереснейших поэтических имён надолго вошёл в читательскую жизнь сибиряков этот альманах. Можно назвать здесь имя составителя альманаха и одного из его ведущих авторов, прозаика и поэта Ивана Петрова; судебного чиновника, племянника губернатора А. П. Степанова, известного российского литератора Владимира Соколовского; прозванного «сибирским Барковым» поэта-сатирика Ивана Варлакова... Каждое из этих имён — незабываемый след в «романтическом реализме», а порой — и в едкой сатире первой половины девятнадцатого столетия. Каждого из этих поэтов (короткая, к сожалению) судьба — примечательна и необычна. Как и сама Сибирь.

Вот, к примеру, Александр Кузьмин — чиновник, прозаик и стихотворец, занявший по предложению губернатора Степанова должность окружного минусинского начальника, в истории же литературы Сибири оставшийся благодаря в том числе ярким картинам, посвящённым им ставшему для него родным «Минусинскому краю»:

Я видел мощный Енисей,  
Где он стрелой летит из края  
Родной Монголии своей,  
Хребет Саянский рассекая.  
Там рвёт он камни и древа,  
Крушит, грозой в Россию мчится.  
Притёт — и вдруг, на рукава  
Делясь, покойнее стремится.

Я видел древних писемна  
На диких скалах Енисея.  
Таинственная старина,  
Потомков поздних не жалея,  
Проводит хитрые черты  
Для их гадательной мечты.  
И ты не можешь быть нам вестник,  
И ты, сам Енисей-река,  
Давно минувшему ровесник,  
Чья непонятная рука  
Чертила нам сии загадки,  
От едкой древности остатки...

К сожалению, цензурный запрет из Петербурга остановил подготовку второй книги альманаха. Запрещена была и «Красноярская литературная беседа» — кружок, который начал создавать губернатор А. П. Степанов.

Однако семьдесят пять экземпляров «Енисейского альманаха» (таким был скромный тираж этой бесценной книги) заложили фундамент будущей литературы Приенисейского края.

Современники считали, что своим альманахом «Степанов начал приводить в цветущее состояние словесность, предмет, до него не известный в южной Сибири». А мелодия, написанная красноярским мещанином Андреем Поповым к завершающей альманах «Песне» губернатора Александра Степанова, «сочинённой во время плавания по Енисею в Туруханск», в 2001 году стала звучать и над современным Красноярском при бое главных его часов, «Красноярского Биг-Бена»...

Я лечу под парусами  
Между гор и средь лесов,  
Вслед за бурями и льдами.  
Бог — мой щит и мой покров!..

С Ангары до устья моря  
Вижу дикия страны;  
Нет здесь радостей, нет горя:  
Образ вечной тишины!

В тундрах нет зелёной сени,  
Нет здесь ночи, ни зари;  
Лишь являются, как тени,  
По утёсам дикари...

Девятнадцатый век стал временем становления главных тем и основных мотивов поэзии сибиряков на Енисее.

С одной стороны, этому способствовали значительный подъём социально-экономического развития Сибири, безудержная стихия жизни на енисейских берегах. С другой — благотворное влияние российских поэтов, и опосредованно, через книги, и через личное вольное или порою невольное присутствие самих поэтов на берегах сибирских рек.

Как известно, для «цивилизованного мира» наша Сибирь десятилетиями и столетиями была



не столько даже экзотическим краем с пушшиной и золотом, с дикарями-язычниками, с медведями и другими хищниками на улицах, но известна была она миру ещё и как вековое место каторги, ссылки...

Поэтому, когда два уникальных литературных сборника в восьмидесятых годах девятнадцатого века продолжили труд составителей «Енисейского альманаха», естественным стало присутствие в них рядом с именами или псевдонимами урождённых, «кондовых» сибиряков — также и славных по всей матушке Руси имён...

...О Сибири писали ссыльные декабристы — можем тут вспомнить Василия Давыдова, Вильгельма Кюхельбекера и Александра Одоевского, Павла Бобрищева-Пушкина и Александра Бестужева-Марлинского. В антологию сибирской поэзии входят имена казнённого декабриста Кондратия Рылеева и опального соратника Герцена Николая Огарёва, наряду с именами Петра Павловича Ершова и Алексея Константиновича Толстого, вместе с великими именами Пушкина и Некрасова...

Действительно, не найти, наверное, строк более проникновенных, чем строки, обращённые Александром Сергеевичем Пушкиным к лицейским друзьям в России и в Сибири через год после суда над декабристами, 19 октября 1827 года:

Бог помочь вам, друзья мои,  
В заботах жизни, царской службы,  
И на пирах разгульной дружбы,  
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,  
И в бурях, и в житейском горе,  
В краю чужом, в пустынном море  
И в мрачных пропастях земли!

Эти едва ли не первые поэтические сборники Сибири изданы были по инициативе деятелей возникшего во второй половине девятнадцатого века движения областников, мечтавших об автономии Сибири, в частности — одного из его ведущих идеологов, Николая Михайловича Ядринцева.

Эти книги, вобравшие трудами их составителей наиболее значительные поэтические произведения Сибири и о Сибири, были изданы на средства знаменитых сибирских купцов-меценатов: Иннокентия Михайловича Сибирякова (будущего афонского схимонаха Иннокентия) и Юлии Петровны Матвеевой (дочери красноярского купца Петра Ивановича Кузнецова, в те же годы основавшей вместе с мужем, Иннокентием Алексеевичем Матвеевым, будущий Красноярский краеведческий музей).

«Сибирские мотивы» и «Отголоски Сибири» — так названы были эти, вышедшие один — в 1886 году в Петербурге, другой — в 1889 году в Томске, уникальные сборники.

Настроение, мысли, владевшие издателями, хорошо выражены в весьма поэтическом предисловии к первой из этих книг:

«Каждому естественно любить свою родину, а под влиянием этой любви воспитывается чувство и ютится поэзия. Нечего удивляться поэтому, что и среди сибиряков таится привязанность к суровой и не всегда гостеприимной для других, но дорогой и милой им родине.

Для этой бедной матери также нашлось у её детей тёплое чувство, горячая слеза и песня.

На этой снежной пустыне, среди диких скал, суждено было вырваться своему поэтическому мотиву, своей мелодии. Как бы ни были бедны и скромны эти песни, но они ценны как выражение тёплых чувств, как первые проблески любви, первые весенние цветы на сибирских полях».

Все исследователи сибирской литературы отмечают, что один из непререкаемых первых и главных героев сибирской поэзии — Ермак Тимофеевич. Уподобляемый народом, по словам Н. М. Ядринцева, знаменитому богатырю Илье Муромцу, покоритель Сибири был прославлен как в народной поэзии, так и в литературном, поэтическом поле Сибири... Вот, например, строчки из знаменитого стихотворения «Смерть Ермака» Петра Ершова.

Тяжёлые тучи сибирское небо одели;  
Порывистый ветер меж сосен угрюмых шумел;  
Венчанная пеной иртышские воды кипели;  
Дождь лился рекою, и гром полуночный гремел.  
Спокойно казаки на бреге высоком сидели,  
И шум непогоды дремоту на очи навёл.  
Бестрепетный вождь их, под сенью ветвистая ели,  
Опёршись на саблю, на смелых казаков смотрел...  
И злая кручина на сердце героя лежала,  
Главу тяготила, горячую кровь волновала.  
И ужас невольный дух бодрый вождя оковал.  
Вдруг дикие крики... Казацкая кровь заструилась...  
Булат Ермака засверкал — толпа расступилась —  
И кто-то с утёса в кипящие волны упал.

Кандальный звон и суровая природа Сибири — как мы уже говорили, без этого невозможно представить её поэтический облик... «Песню каторжного» сочиняет один из сибирских поэтов девятнадцатого столетия, Пётр Шумахер. Прототипов героев он много раз наблюдал сам во время государевой службы на Дальнем Востоке и в Приенисейском крае.

Ой ты, горечь, злая мачеха Сибирь!  
Снежной степью разметалась вдоль и вширь;  
Не приветна, не привольна, не людна,  
Неприглядна, неприютна, холодна!  
Не грызи ты злобой-местию своей  
Беззаступных горемык, страдных людей,  
Что томятся в чуждеальной стороне  
С лиходеями-ворами наравне.

..Не томи ты, дума чёрная!  
Не греми ты, цепь зазорная,  
Что бренчишь на степь пустынную  
Про вину мою безвинную!..

Безутешно и горько нарисованы эти обитатели Сибири в целом ряде стихотворений. Пожалуй, самая беспросветная картина открывается в размещённых в сборниках стихах Алексея Константиновича Толстого:

### *Колодники*

Спускается солнце за степи,  
Вдали золотится ковыль, —  
Колодников звонкие цепи  
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,  
Шагают вперёд тяжело,  
Угрюмые сдвинули брови,  
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,  
Две клячи телегу везут,  
Лениво сгибая колени,  
Конвойные с ними идут,

— Что, братцы, затянемте песню,  
Забудем лихую беду!

Уж, видно, такая невзгода  
Написана нам на роду!

И вот повели, затянули,  
Поют, заливаясь, они  
Про Волги широкой раздолье,  
Про даром минувшие дни;

Поют про свободные степи,  
Про дикую волю поют,  
День меркнет всё боле, — а цепи  
Дорогу метут да метут...

Но ведущей темой стихов самих сибиряков была, конечно, их любовь, искренняя любовь к их малой родине... Так, инициатор этих сборников Ядринцев опубликовал под псевдонимом Н. Семилуженский стихотворение «Родина», которое начинается так:

Я рождён в стране далёкой,  
К чьим гранитным берегам  
Вечно хладною струёю  
Плещет грозный океан.

Я рождён в земле обширной,  
Где границ пространствам нет,  
Где от моря и до моря  
Разостлался белый свет.

Я из той страны привольной,  
Где начала нет рекам,  
Где зелёными морями  
Лес бушует по долам...<sup>1</sup>

Один из наиболее плодovitых авторов сборника «Отголоски Сибири», публиковавшийся под псевдонимом Омудевский поэт и писатель-разночинец Иннокентий Фёдоров, прошедший через аресты и заключение, со своей Сибирью разлучённый, обращался к своей малой родине со словами прощания и любви:

### *Из гроба*

Сибирь родимая! повсюду и всегда  
С любовью к тебе я устремляю взоры, —  
Несётся песнь моя туда,  
Где степи ты раскинула и горы  
Каргиною, чарующею глаз  
Любого путника. О, много, много раз,  
Воскреснув в памяти, они мне напевали  
Отраду бодрую взамен живой печали!  
Необозримая лежишь ты предо мной  
В немом величии, страна моя родная!  
Народ твой спит ещё, но в грёзе молодой  
Мерещится ему судьба родного края!  
Желал бы я, чтоб в недра дорогие  
Мой прах ты приняла, родимая земля.  
Лежать в чужой стране, где люди все чужие,  
Где чуждые кругом раскинуты поля,  
Я не могу!

А рассказ о двух уникальных поэтических сборниках сибиряков восьмидесятых годов девятнадцатого века хочется завершить словами видного сибирского литературоведа и критика, покойного профессора Галины Максимовны Шлёнской. Однажды она попросила своих коллег-чехов, побывавших в Сибири, одним словом, одним эпитетом определить, что такое этот край, эта земля. Разные варианты прозвучали в ответ: «суровая Сибирь», «богатая Сибирь», «бескрайняя Сибирь»... А один из опрошенных произнёс: «Грустная Сибирь...»  
«Это самое точное, наверное, определение Сибири», — сказала Галина Максимовна...

Говоря о красноярской литературной жизни рубежа девятнадцатого — двадцатого веков, нужно сказать и о событии, для неё кульминационном, как бы итоговом для периода, предшествующего революционному февралю и октябрю 1917 года...

Первый, долгожданный, полноценный толстый литературно-художественный и научно-публицистический сибирский журнал начал выходить в январе 1916 года в столице Приенисейского края.

«Сибирские записки» — так назвал его инициатор, составитель и редактор журнала, знаменитый врач, политик, государственный и общественный деятель Владимир Михайлович Крутовский.

Это имя было известно сибирякам в конце прошлого века в основном в связи с ленинской темой.

.....  
1. Семилуженский Н. (Ядринцев Н. М.) Родина // Сибирские мотивы, СПб, 1886. — С. 14.

О путешествии доктора Крутовского в 1897 году «в одном вагоне с Ильичом» охотно писалось после окончания сталинских времён в публикациях, приуроченных к ленинским юбилеям. Гораздо реже позволительно было говорить о том, что в разгар сталинского террора, глубоким стариком, «вагонный» спутник Ильича, немало в своё время поспособствовавший его направлению не на ледяные северные просторы, а на юг губернии, в благодатные шушенские края, был репрессирован.

Умалчивалось и об огромном вкладе В. Крутовского в развитие культуры, общественной жизни и медицины Сибири, обходились вниманием те месяцы 1917-го, когда доктор Крутовский был комиссаром Временного правительства по Енисейской губернии. Мало кто знал и о его общественно-политической деятельности в период Гражданской войны.

Но вернёмся к страницам дореволюционной поэзии.

За четыре неполных года, с 1916 по 1919 год, когда вышли в свет двадцать номеров «Сибирских записок», журнал стал, по признанию современников, интеллектуальным центром культурной и общественно-политической жизни региона — исполнилась страстная мечта старших соратников Крутовского, областников Потанина и Ядринцева.

История этого журнала достойна отдельного рассказа, и, может быть, не одного. Исследователи только начинают изучение его влияния на развитие литературы Сибири — ведь, помимо всего прочего, журнал этот оказался фактически непосредственным предшественником знаменитых «Сибирских огней», начавших выходить после Гражданской войны в Новониколаевске.

И о поэтическом разделе журнала Крутовского можно было бы говорить очень долго. Страницы «Записок» открывали вдумчивому читателю как начинавших, так и уже состоявшихся сибирских поэтов: Фёдор Филимонов, Виталий Калашников-Кручинин, Дмитрий Глушков (Оле-рон), Георгий Вяткин, Пётр Драверт, Фёдор Лыткин...

Направление журнала, надежды, с которыми он начинался, настроение поэтического раздела хорошо характеризуются стихотворными строчками без подписи, открывающими самый первый номер:

В горах ещё мороз алмазными цепями  
Пытается сбечь свою былую власть,  
Но солнце ласку шлёт горячими лучами,  
И шествует весна, могучая, как страсть.

Ручьи журчат, природу пробуждая,  
В долинах робкие фиалки зацвели,  
И чародействует, тяжёлый сон сгоняя,  
Улыбка первая проснувшейся земли.

Выходит сеятель. Уверенной рукою  
Бросает зёрна дождь на грудь земли родной.  
И верит сеятель: зелёною волною  
Взойдёт посев его грядущей весной...

Последовавшие за первыми выпусками «Сибирских записок» годы революций и войн вдребезги разбили надежды его создателей и авторов. Своёобразным ответом-реквиемом на эти надежды могли бы служить строки о сеятелях, написанные за столетие до этого, пушкинские горькие строки:

Свободы сеятель пустынный,  
Я вышел рано, до Звезды;  
Рукою чистой и безвинной  
В порабощённые бразды  
Бросал живительное семя —  
Но потерял я только время,  
Благие мысли и труды...

А ряду авторов «Сибирских записок» предстояло потерять не только «мысли и труды», но и самую жизнь...

Долгие годы имена репрессированных поэтов и писателей — выходцев из дореволюционной Приенисейской Сибири — будут замалчиваться. Но стихи — искренние, сердечные, талантливые — останутся.

Как эти вот немного загадочные строчки из того же самого легендарного первого выпуска «Сибирских записок». Его автор — будущий редактор знаменитой газеты «Свободная Сибирь», расстрелянный в Красноярске сразу после возвращения власти Советов. Называется это стихотворение Фёдора Филимонова «Тени»...

Треща, огонёк погасает,  
Тихонько мерцающая в мгле;  
Последние тени бросает  
Увядающая жизнь на стене.

Длинна роковая дорога,  
Немало изведать пришлось...  
Пред нами теней этих много  
За целую жизнь пронеслось.

Они нас поутру будили,  
А днём — наполняли нам дни;  
Являлись, и вновь уходили,  
И вновь приходили они.

Ну что же?! Молись, на колени  
Готовый смиренно упасть,  
За эти волшебные тени,  
За их непонятную власть...

...В следующем выпуске проекта «(Не)забытые голоса Сибири» нас ждут стихи горьких, драматических, жестоких времён Гражданской войны. Но эту, до семнадцатого года, встречу хочется завершить светлыми, чистыми и ясными словами.

Принадлежат они не поэту, а художнику: великому Сурикову, тоже уроженцу Сибири. Но согласитесь, что эти записанные поэтом Максимилианом Волошиным со слов Сурикова прозаические, сказовые строки сродни долгой, протяжной и полной веры в свой народ и его будущее казачьей песне...

«...В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то у нас какой!

Сибирь западная — плоская, а за Енисеем у нас горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы, глинистые, розово-красные. И Красноярск — отсюда имя; про нас говорят: „Краснояры сердцем яры“.

Горы у нас целиком из драгоценных камней — порфир, яшма. Енисей чистый, холодный, быстрый. Бросишь в воду полено, а его бог весть уже куда унесло...»